

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

*Т.И. ЗАСЛАВСКАЯ***Современное российское общество:
проблемы и перспективы**

Современное российское общество обладает двумя основными типобразующими чертами. Во-первых, оно является постсоветским, поскольку родилось в результате краха советской системы и распада СССР. Во-вторых, это трансформирующееся общество, переживающее период качественного изменения основных социетальных характеристик.

Основные характеристики зрелого советского общества

Каждое конкретное общество достаточно полно описывается с помощью трех взаимосвязанных социетальных характеристик: эффективности институциональной структуры, качества социально-групповой структуры и уровня человеческого потенциала¹. Главными институциональными особенностями советского общества в период его зрелости были:

- авторитарный тип государства, поддерживаемого мощной военно-бюрократической и репрессивной машиной; великодержавная внешняя и внутренняя политика;
- жесткий контроль всех сфер общественной жизни, отсутствие или крайняя слабость автономных структур гражданского общества, резко ограниченные права и свободы человека;
- полностью огосударственная, высокомонополизированная экономика; централизованное планирование, распределение и перераспределение национального продукта при практическом отсутствии конкурентного рынка²;
- очевидное преобладание мобилизационных и репрессивных механизмов интеграции общества, включая крайние формы принуждения и подавления, при относительной слабости культурных и духовных механизмов интеграции³;

¹ Обоснование необходимости и достаточности этих характеристик дано в [Заславская, 2003].

² Возникший в последние годы советской власти бюрократический, или административный, рынок имел мало общего с нормальным экономическим рынком.

³ "Наиболее важными признаками мобилизационного типа развития являются строгая определенность целей, высокая интенсивность функционирования для скорейшего выполнения поставленных задач, жесткая, как правило, высокоцентрализованная система управления" [Фонотов, 1993, с. 101].

– гарантированное право на труд, относительно развитая, но сословно сегрегированная сфера общественного потребления, резкая дифференциация форм и качества социально-бытовых услуг в зависимости от места субъектов в социальной иерархии.

Все эти качества институциональной системы определяли соответствующие черты социальной структуры СССР. Важнейшими из них были:

1. Глубокий разрыв в статусе, качестве жизни, объеме социальных прав и гарантий между представителями правящего класса (номенклатуры) и остальной частью общества; обособление власти от народа как в социально-политическом, так и в физическом пространстве, формализация и минимизация контактов верхов с низами, их параллельное существование в качестве разных миров.

2. Государственное регулирование заработной платы и доходов трудящихся в зависимости от регионов, отраслей производства, специфики труда и пр.; эгалитарный принцип распределения денежных доходов; невысокий, но не слишком низкий уровень жизни массовых групп и слоев, относительно высокое развитие социально-экономических прав и гарантий при ограниченности политических прав; "пристойность" бедности и относительная скромность личного имущества, приглушенность социальных конфликтов.

3. Отсутствие, за исключением номенклатуры, политических классов, способных и готовых отстаивать свои интересы⁴; сословно-кастовый тип организации общества; сегрегированный характер социальной структуры, наличие множества слабо общающихся друг с другом социальных групп, сословий и "каст", имеющих разные поля деятельности, разный образ жизни, разные цели, ценности и образцы поведения.

4. Бюрократический тип стратификации, при котором социальный статус гражданина определялся в первую очередь его местом в системе государственного и партийного управления. Экономическое благосостояние и социальный статус советских людей зависели в первую очередь от занимаемых должностей и в этом смысле носили вторичный характер по отношению к месту в иерархии управления.

5. Искусственная элиминация роли культурной составляющей в формировании социального статуса граждан; намеренное снижение статуса и ущемление интересов интеллигенции, представляющей средний слой советского общества⁵.

Особенности социальной структуры в свою очередь во многом определяли третью социетальную характеристику советского общества – человеческий потенциал, представленный демографическим, экономическим, культурным и деятельностным компонентами. Демографический потенциал СССР был довольно высоким, поскольку численность населения страны составляла около 290 млн человек. Наряду с огромностью территории, изобилием природных ресурсов и наличием ядерного оружия, это было немаловажным фактором, обеспечивавшим Советскому Союзу статус Великой державы. Однако цена человеческой жизни в СССР была чрезвычайно низкой. Гражданская война 1918–1921 гг., четырехлетняя Отечественная война унесли десятки миллионов жизней и основательно подорвали здоровье нации. Отсюда повышенная смертность, короткая по сравнению с развитыми странами продолжительность жиз-

⁴ Как отмечает Б. Ракитский, "касты сложились в СССР еще до войны и просуществовали в классически чистом виде до конца 80-х годов... Номенклатура – правящая каста тоталитарных обществ советского типа. Но и все остальное общество состояло из каст. Кастовый – сегрегированный – характер социальной структуры очень многое объясняет в России, начиная с конца 20-х годов и по сию пору. Не только распорядки жизни и деятельности, но даже идеология была сегрегированной. Одна идеология – для правящей касты, другая – для управляемых" [Ракитский, 1995, с. 60].

⁵ Эту особенность социальных структур социалистических обществ социологи стран Центральной и Восточной Европы трактовали как существование неформального "*социального контракта*" между номенклатурой и рабочим классом, направленного против интеллигенции (см. об этом [Machonin, 1997; Andoraka, 1993]).

ни, особенно мужчин, резкий гендерный дисбаланс, невысокая рождаемость, ухудшающееся качество генофонда.

Экономический компонент человеческого потенциала измеряется, с одной стороны, душевым уровнем ВВП, с другой – качеством жизни граждан. Первый показатель в СССР несколько превышал среднемировой уровень, а последний был непропорционально низким, так как весь прибавочный и часть необходимого продукта, создаваемого трудом граждан, направлялись на индустриализацию страны и укрепление ее обороноспособности. Вместе с тем граждане СССР пользовались серьезными социальными гарантиями. Безработных практически не было, а бездомных – мало. Представителям массовых групп были доступны воспитание детей в дошкольных учреждениях, бесплатное образование, базовая медицинская помощь, недорогие формы организованного отдыха, включая внутрисоюзный туризм. Узким местом народного потребления оставался острый дефицит жилья и высококачественных товаров. Для получения жилья гражданам приходилось годами стоять в очередях, но предоставлялось оно бесплатно, и квартирная плата была очень низкой.

Культурный компонент человеческого потенциала СССР был довольно высоким. В конце 1980-х гг. советская наука уступала только американской, причем во многих областях знания советские ученые были впереди [Варшавский, Сироткин, 1999]. Доля лиц с высшим образованием и студентов в населении СССР была лишь в 1,5 раза меньше, чем в развитых европейских странах [Системные... 1999, с. 305]. Уровень образования граждан СССР в основном соответствовал требованиям индустриального производства, а качество обучения, особенно в средних учебных заведениях, оценивалось международными экспертами как высокое. Хорошо известны выдающиеся достижения советской культуры, искусства и спорта. К факторам же, снижавшим культурный потенциал страны, можно отнести невысокое место труда в системе ценностей и слабые деловые качества большинства россиян, отсутствие укорененного в культуре уважения к закону, терпимость к ненормативному поведению.

Развитие деятельностного компонента человеческого потенциала в СССР существенно сдерживалось как некоторыми особенностями русской культуры, так и социальной системой, не содержавшей достаточных стимулов к новациям. Большинству советских людей были свойственны патерналистский тип сознания, слабая ценность самостоятельности, независимости и личной ответственности. Они редко проявляли личную инициативу, не стремились к самоорганизации и самоуправлению, отчужденно воспринимали новые начинания власти и "общественные" инициативы. Тем более что личная и групповая инициатива чаще наказывалась, чем получала институциональную поддержку. Россияне, наученные историческим опытом, предпочитали приспособляться к трудным обстоятельствам жизни, не вступая в активную борьбу за их преодоление. Несоразмерно низкий деятельностный потенциал большинства россиян со временем стал одним из "камней преткновения" в развитии общества.

Причины кризиса советской системы

Советская система несла в себе зародыш неизбежного кризиса, первым проявлением которого стала тенденция к замедлению темпов роста экономики. Согласно официальной статистике, темпы среднегодового прироста национального дохода страны в период с VIII до XI пятилетки составили, соответственно, 7,5%; 5,8%; 3,8% и 2,5%. Согласно же более строгим расчетам экономистов, национальный доход СССР начал снижаться уже с середины 1970-х гг. [Селюнин, Ханин, 1985]. А так как численность населения росла (примерно на 1% в год), уровень душевого национального дохода падал довольно заметно. Это повлекло приостановку многих объектов строительства и свертывание всего инвестиционного комплекса, включая машиностроение и приборостроение. Во многих отраслях, в частности в жилищно-коммунальном хозяйстве, основные фонды практически перестали обновляться. Стал снижаться уровень жизни населения, обострился дефицит потребительских товаров. Но наиболее острым сиг-

налом, заставившим советское руководство осознать приближение кризиса, стал проигрыш военного соревнования с Западом. Чтобы поддерживать военный паритет с США, расходовавшими на вооружение 6% ВВП, СССР должен был бы расходовать на те же цели примерно треть своего ВВП, что выходило за рамки возможного.

Усугубление внутренних трудностей свидетельствовало о надвигающемся системном кризисе общества. Базовый экономический институт централизованного планирования перестал справляться с усложняющимися задачами регулирования товарно-денежных потоков. На местах и в отраслях экономики механизм планирования стал спонтанно вытесняться бюрократическим (административным) рынком, где согласие производителей принять к выполнению определенные плановые показатели "обменивалось" не только на дефицитные производственные и потребительские ресурсы, но и на государственные должности и личные услуги [Найшуль, 1989; 1991; Кордонский, 1995]. С каждым годом расширялись масштабы бартера, расшатывалась плановая и производственная дисциплина, повсеместно распространялись приписки и хищения. К этому добавлялись ползучая инфляция, неуклонное ухудшение качества жизни и рост социального недовольства народа, попытки разных социальных групп укрепить свое благосостояние с помощью теневых сделок. Множась, они перерастали в серьезную экономическую преступность. Противостоять этим тенденциям должно было правосудие, но, будучи частью общества, оно подверглось такому же разложению. Корни коррумпированности современной российской милиции и судов, несомненно, кроются в советском времени.

В политической сфере проявлениями кризиса стали глубокий раскол элит и утрата центральной властью способности эффективно управлять обществом. Рост противоречий между центром и регионами и обострение межнациональных конфликтов предвещали кризис Советской империи. Национальные правящие элиты при поддержке интеллигенции все откровеннее ратовали за политическую, экономическую и культурную самостоятельность республик, явно тяготясь властью "русского Центра". Особенно сильное развитие антирусские настроения получили в Прибалтике, Армении и Грузии. Идеологическое влияние КПСС повсеместно снижалось, причем особенно заметно это было в Москве, ставшей центром распространения не только реформаторских идей, но и откровенного цинизма верхов, сочетавшегося с политическим двоемыслием низов.

В идеологической сфере жертвами кризиса оказались прежде всего такие ценности, как социализм, советский патриотизм, дружба народов, социальная справедливость, коллективизм, игравшие определенную роль в обеспечении культурной интеграции общества в 1960–1970-х гг. К началу 1980-х гг. большинство граждан ясно понимало разрыв между подлинной сущностью советской системы и прикрывавшими ее лозунгами. Разрушение государственно-социалистических ценностей, не сопровождавшееся возникновением новых общенациональных идей, вело к культурной дезинтеграции и духовному кризису общества.

Назревающий кризис все больше раскачивал и в конце концов свел к нулю "социальный контракт", существовавший между верхами и низами советского общества. Верхи воспользовались начавшимся разложением системы, чтобы еще улучшить свое положение, в то время как качество жизни низов заметно снизилось. Постепенно в стране начали возникать новые социальные силы, осознававшие неэффективность советской системы и искавшие пути ее принципиального изменения. Основания для недовольства были почти у всех социально-профессиональных групп общества, хотя его причины (а значит, и представления о желательном направлении реформ) были принципиально разными. Рабочие и крестьяне были заинтересованы прежде всего в повышении уровня и качества жизни. Интеллигенция, представлявшая средний класс советского общества, надеялась на демократизацию и либерализацию социальной системы, расширение прав и свобод человека. Номенклатура же, чтобы стать полноценной элитой, стремилась обрести законное право на владение крупной собственностью.

Причины кризиса советской системы носили в конечном счете социальный характер. В основе ее краха лежала неадекватно низкая оценка роли человеческого фактора общественного развития. Характерная для современного мира тенденция к информатизации и интеллектуализации экономики и общества означала серьезное повышение роли личности в общественном развитии. В советском же обществе статус человека был низведен до ничтожной частички громадных "трудовых ресурсов" государства, до "носителя рабочей силы" с узким кругом примитивных потребностей. Унаследованное от традиционного российского прошлого пренебрежение, безразличие и даже презрение к "маленькому" человеку, не занимающему престижной должности, принципиально противоречило тенденциям мирового развития конца второго тысячелетия. Поэтому важнейшей задачей перестройки и последовавших за нею реформ было создание условий для более эффективного использования человеческого потенциала страны и, главное, для повышения его культурного и деятельностного компонентов. Эту задачу нельзя было решить техническими или организационными способами. Путь к ее решению лежал через изменение социальной структуры общества, освобождение и активизацию человеческой личности, создание условий для роста образования и квалификации, реализации творческих сил большинства граждан. А это, в свою очередь, предполагало либерализацию базовых экономических институтов и демократизацию социально-политических отношений.

Социетальная трансформация как особый тип социальных изменений

Общее направление социальных преобразований, происходящих в современной России, определяется как движение от плановой экономики к рыночной и от авторитаризма к демократии. В этом смысле его можно назвать переходным. Но важной особенностью преобразовательного процесса в России является его *полустихийный характер*. Целенаправленное изменение социетального типа общества предполагает наличие субъекта, знающего конечную цель движения и пользующегося доверием тех, кого ведет в избранном направлении. Это означает наличие сильной власти, ориентированной на создание конкретной и понятной большинству участников модели институционального устройства общества. Иными словами, предполагается существование авторитетной властной команды, преследующей ясную и реалистичную цель, опирающейся на обоснованную программу действий и пользующейся широкой поддержкой граждан. При этом важно, чтобы цели команды соответствовали интересам большинства граждан, а ее программа – имеющимся у общества ресурсам и возможностям.

В России этих условий нет. Ее элита расколота как по сферам деловой активности, так и по клановому признаку. По первому критерию выделяются команда президента, высшее чиновничество, олигархический капитал, генералитет силовых структур, церковные иерархи и пр., а по второму – социальные кланы, связанные с крупнейшими корпорациями и соответствующими группами регионов. Все эти группы борются за обладание властью и собственностью, причем ни у правящей, ни у оппозиционной элит нет сколько-нибудь четкой и понятной обществу программы. Отсутствует и единое, разделяемое большинством россиян представление о желательном институциональном устройстве страны. До сих пор ведутся ожесточенные споры даже о путях выведения ее из кризиса, не говоря о более отдаленной перспективе.

Опросы общественного мнения показывают, что правящая элита России (за исключением президента) не пользуется особым доверием граждан: представители массовых групп (интеллигенция, служащие, рабочие, крестьяне) рассматривают ее не столько как авторитетного политического лидера, сколько как социального антагониста. В России нет ни одной партии или общественного движения, программа которого пользовалась бы массовой поддержкой (см., например [Общественное... 2002]). Существует глубокий раскол между властью и обществом. Между тем и в экономике, и в политической сфере продолжают идти негативные процессы, справиться с которыми не удастся: бедность населения, война в Чечне, развал армии, криминализация экономики, интенсивный отток населения из северных и восточных регионов и др.

Все это дает основания говорить не о целенаправленном и управляемом *переходе* к новому типу общества, а лишь о слабо управляемой *трансформации* общества. Главными особенностями такого рода процессов являются:

- направленность на качественное изменение базовых институтов и социальной структуры, в конечном счете ведущее к смене социетального типа общества;
- участие и борьба множества разнотипных социальных акторов, различающихся как уровнем социального статуса, структурой и объемом значимых ресурсов, так и культурно-политическими интересами, а также ценностными позициями;
- преимущественно локальный характер борьбы разнонаправленных сил за свои интересы, препятствующий ее перерастанию в полномасштабную гражданскую войну;
- доминирование спонтанных механизмов социальных изменений снизу (на микро- и мезоуровнях) над реформаторскими действиями сверху (на макроуровне общества). В отличие от перехода, в основе которого лежат целенаправленные действия власти, ни генеральное направление, ни конечные результаты слабо управляемой трансформации общества не предрежены.

Концепция социетальной трансформации подчеркивает зависимость общественных сдвигов от действий не только элиты и субэлиты, но и от гораздо более многочисленных и менее управляемых массовых слоев общества, представители которых реализуют свои интересы в условиях не вполне сформированной и потому нежесткой институциональной среды. В качестве социальных движущих сил трансформационного процесса выступают, с одной стороны, правящая элита с примыкающими к ней бюрократией и силовыми структурами, а с другой – экономически и политически активные представители массовых общественных групп. Отсюда – зависимость результатов процесса от того, как управленческие воздействия власти воспринимаются массовыми слоями общества. Спонтанный характер социетальной трансформации исключает характерную для перехода презумпцию движения в заранее заданном направлении. При этом главной задачей политики становится сохранение социальной стабильности.

Процесс социетальной трансформации затрагивает все уровни общественной вертикали – общенациональный, региональный, локальный, групповой и индивидуальный. По мере спуска на нижние "этажи", подконтрольность этих процессов центральной власти снижается. Возникают несогласованности и расхождения в понимании конкретных вопросов. Установки властного центра нередко наталкиваются на противодействие региональных и местных общностей и элит, сопротивление организаций и граждан. Это проявляется в многообразии общественных ситуаций, складывающихся в разных регионах России, нередко даже соседствующих друг с другом. Это лишний раз подтверждает тот факт, что направление трансформации общества не задается сверху или извне, а определяется в борьбе социальных сил, движимых разными интересами. Реформы, осуществляемые правящим кланом, – лишь одна из многих составляющих процесса трансформации российского общества.

Важнейший результат трансформационного процесса – изменение трех социетальных характеристик общества: институциональной структуры, социально-групповой структуры и человеческого потенциала. Первую из этих характеристик часто отождествляют с системой установившихся в обществе правил игры. Социально-групповую структуру можно по аналогии уподобить способу организации команды и принципам расстановки игроков, а человеческий потенциал – дееспособности, квалификации и сыгранности игроков. Названные характеристики общества системно дополняют друг друга, так что их совместное рассмотрение позволяет достаточно полно и справедливо оценить особенности и динамику конкретных обществ.

Прямой и непосредственной целью реформ (а значит, и важным результатом трансформации) является повышение эффективности действующих в обществе правил игры, то есть совершенствование общественных институтов. Однако, взятое само по себе, оно служит лишь внешним отражением итогов трансформации общества. Более глубокий ее результат состоит в преобразовании социально-групповой структуры, поскольку жизненные интересы акторов этого процесса сосредоточены в первую очередь именно здесь. Наиболее же глубоким, фундаментальным и долгосрочным результатом трансформации общества служит динамика человеческого потенциала.

Трансформация институциональной системы России

Социальный институт можно определить как целостный устойчивый комплекс формальных и неформальных правил игры, то есть принципов, норм, установок, способов контроля, поощрений и санкций, регулирующих системы ролей и статусов, образцы поведения и типы социальных практик в различных сферах человеческой деятельности. Совокупность социальных институтов выполняет важные общественные функции. Особую роль в их реализации играют базовые институты, образующие ядро институциональной системы: институты власти, собственности, а также гражданского общества, прав и свобод человека.

Стабилизационная функция институтов состоит в создании легитимного правового пространства, стимулирующего устойчивое, сбалансированное и эффективное функционирование всех сфер общества. *Адаптационная функция* выражается в обеспечении способности общества конструктивно и своевременно отвечать на глобальные вызовы мировой системы, изменение геополитических и экономических условий, природные и социальные катаклизмы. *Интеграционная функция* социальных институтов заключается в трансляции молодым поколениям укорененных в национальной культуре норм, ценностей и образцов поведения, обеспечении непрерывности историко-культурного развития, а также в укреплении социокультурных взаимодействий между разными этносами, социальными слоями, экономическими группами. Наконец, *инновационная функция* институтов проявляется в содействии развитию всех видов общественно полезной инновационной деятельности при одновременном создании правовых заслонов непродуманным, авантюристическим и своекорыстным действиям социальных субъектов.

В конечном счете совокупность социальных институтов ответственна за доминирование эффективных (или, как минимум, социально приемлемых) форм активности социальных субъектов. Для этого институты должны поощрять и стимулировать конструктивную, важную и нужную обществу активность, одновременно пресекая и наказывая деструктивные формы деятельности и поведения социальных акторов. Итоги институциональных реформ можно оценить по критериям повышения или снижения эффективности базовых институтов, направляющих деятельность социальных субъектов (граждан, организаций и групп).

Инициаторы реформ выдвигали на первый план задачу раскрепощения человеческой личности, расширения ее прав и свобод с помощью демократизации и либерализации общественных отношений. Это предполагало слом советских институтов и формирование нового институционально-правового пространства, установление новых правил игры. Для того чтобы вновь выстраиваемое пространство проявило свои преимущества, требовалось обеспечить легитимность новых законов и юридических норм, их полноту и согласованность (непротиворечивость), а также соответствие тем условиям, в которых они реализуются, то есть выполнимость. Наряду с этим предстояло создать эффективную систему правового контроля и санкций за нарушение институциональных норм, которая гарантировала бы их выполнение. Действительно, за последние 10–12 лет институциональная система России качественно изменилась. По большинству направлений достигнуты заметные результаты, хотя полностью ни одна из названных выше задач не решена.

Важнейшим критерием оценки качества формально-правового пространства служит *легитимность* представляющих его норм, их восприятие гражданами как в основном справедливых и отвечающих общественным интересам. Таковы прежде всего установления, обеспечивающие движение общества в сторону демократии, правового порядка и всеобщего благосостояния. В первом направлении сделано достаточно много, чтобы возвращение к прежней системе стало невозможным. Монопольная власть одной партии сменилась многопартийной политической системой, выборы представительной власти приняли демократическую форму. Легализована частная собственность, формируются структуры гражданского общества: политические пар-

тии, социальные движения, ассоциации, фонды, разные типы независимых некоммерческих организаций и др. Хотя серьезного влияния на жизнь общества они еще не оказывают, но их численность растет, многообразие расширяется, результаты деятельности становятся заметнее. В основном, хотя и не без борьбы, реализуются свободы слова, печати, вероисповедания.

Однако надежной стабильности общества все эти достижения не обеспечили. Не достигнута важнейшая цель либерально-демократических преобразований – изменение социальной природы власти, замена авторитарных механизмов управления демократическими, переориентация деятельности правящего слоя с собственных интересов на интересы общества. Государственные служащие, представляющие власть на всем громадном пространстве России, не стали работниками, нанимаемыми обществом и несущими перед ним ответственность. Они по-прежнему представляют собой господствующее высокоруптурированное сословие, социально противостоящее простым россиянам.

Значительная работа проделана и по формированию *нового правового пространства*. Законодательными органами России приняты многие сотни новых законов, включая целый ряд кодексов. Для становления правового государства эта работа очень важна. Однако российское правовое пространство является *неполным* и внутренне *противоречивым*. Оно открывает широкие возможности для противоправных, но не наказуемых действий граждан и для произвола чиновников. Признаками неблагоприятия в этой сфере могут служить открытое доминирование исполнительной власти над судебной, сохранение "телефонного права", распространение нецелевого расходования государственных средств (чаще всего означающего их расхищение) и других форм коррупции. Новые законы и постановления вплоть до конституционного уровня нередко противоречат друг другу или неотмененным прежним нормам. Массовый характер носят расхождения региональных норм с федеральными. Одновременное действие разных норм, регулирующих конкретные правовые ситуации, оставляет большой простор для коррупционного маневрирования чиновников и судей, использующих те нормы, которые им в данном случае *выгоднее*.

Крупный недостаток институциональной системы России – слабость контроля над соблюдением установленных норм и правового принуждения социальных субъектов к их выполнению. Отсутствует и система адекватного наказания лиц, совершивших серьезные правонарушения или преступления. Законы оставляют на усмотрение судей слишком большой выбор мер наказания за конкретные преступления, что способствует развитию коррупции. Следствием этой ситуации служит все расширяющийся разрыв между формально-правовой базой общественных институтов и теми социальными практиками, в которых они реализуются. По мнению многих ученых, в России происходит процесс институционализации неправовых (теневых и криминальных) практик, угрожающий перерождением социальных институтов⁶. Таким образом, система базовых институтов страны еще не сложилась.

Для выполнения адаптационной функции институциональной системы требуется особая гибкость таких институтов, как демократически избираемый и рационально действующий парламент, мирная и открытая внешняя политика, свободный конкурентный рынок, сочетающийся с государственным регулированием стратегических высот экономики, развитая передовая наука. В части этих направлений есть явный прорыв вперед, но в другой части – сильный откат назад. Так, Россия открылась мировому сообществу, отказалась от политического противостояния США и другим высокоразвитым странам, приняла международные обязательства, способствующие ее интеграции в мировое сообщество. Более открытой стала экономика: на территории России рубль свободно конвертируется в доллар и евро. Разрешены деятельность ино-

⁶ Укажу лишь некоторые источники, посвященные этой проблеме: [Теневые... 1999; Клямкин, Тимофеев, 2000; Кто... 2001; Заславская, Шабанова, 2001; 2002; Радаев, 2001].

странных фирм и совместных предприятий, приобретение иностранцами акций российских предприятий, хранение средств россиян в иностранных банках. В несколько раз возрос оборот внешней торговли, прилавки магазинов наполнились качественными импортными товарами. Одновременно усилилась необходимость приспособления производства к потребностям мирового рынка.

Интенсивное развитие частного сектора и децентрализация управления способствовали росту динамичности экономики и общества, их отзывчивости на изменение внешних факторов. Но условия и последовательность этапов открытия Западу были недостаточно продуманы с точки зрения политических интересов и экономической безопасности страны. Для экономики результаты новой внешней политики оказались довольно плачевными. Многие высокотехнологичные предприятия, не выдержав конкуренции с зарубежными фирмами, были вынуждены закрыться, их трудовые коллективы распались, большинство работников девалифицировалось. Свернуты космические и другие престижные программы. В структуре производства резко повысилась доля сырьевых отраслей. В хроническом кризисе находится сельское хозяйство, не востребована наука, потерявшая половину своих кадров. В итоге способность России быстро и адекватно отвечать на вызовы постиндустриальной эры не возросла, а заметно снизилась.

Интеграционную функцию в обществе выполняют институты семьи и школы, социальной, национальной и конфессиональной политики. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что российское общество глубоко расколото прежде всего в социально-экономическом отношении. Если 5–7% семей получают невиданные в советское время доходы, то от четверти до трети семей живут на грани или за чертой бедности. Качество, образ и стиль жизни верхних и нижних слоев антагонистически противопоставлены друг другу. Между тем социальная политика государства преследует преимущественно фискальные цели. Она направлена не столько на помощь социально уязвимым слоям и группам, сколько на перекладывание социальных расходов с государственного бюджета на население. Отказ от бесплатного предоставления жилья, свертывание бесплатных образования и медицины, многократное повышение тарифов на тепло, электричество и жилье больно бьют по интересам нижних слоев общества, почти не затрагивая интересов верхних.

Бедность, нищета и отсутствие перспектив у значительной части граждан обуславливают распространение алкоголизма и наркомании, что расшатывает устои семьи. Увеличилось число разводов, незарегистрированных и неустойчивых сожительств, заметно выросла доля холостяков и незамужних. Рождаемость далеко не покрывает смертности, в несколько раз участились случаи отказа матерей от рожденных детей. При переполненных детских домах около 2 млн безнадзорных детей и подростков остаются на улице. Низкая оплата труда учителей снижает авторитет школы, ограничивает ее социальные и культурные функции. Несмотря на официальное снижение уровня обязательного образования, отсеб школьников из всех классов заметно повысился.

Федеральному центру не удалось гармонизировать отношения с субъектами Федерации. Усиливается экономическое и политическое противостояние Москвы и Центрального федерального округа остальным регионам России. Средний уровень доходов москвичей, согласно официальной статистике, в пять–шесть раз выше среднего по России. Люди, капиталы, инвестиции, производственные мощности интенсивно стягиваются из регионов в центр. Отношения этносов и конфессий также скорее обострились, чем сгладились.

За выполнение инновационной функции, стимулирование и поддержку технических, экономических и социальных новаций ответственны институты конкурентного рынка, науки и образования, культуры и СМИ. Хотя развитие рыночных отношений продвинулось достаточно далеко, российский рынок носит не конкурентный, а скорее монопольный характер. Не будучи ни открытым, ни правовым, он не может справиться с ролью главного механизма развития экономики. Олигархическая приватизация привела к разрушению многих отраслей крупного производства, стагнации мелкого и сред-

него предпринимательства, кризису инвестиций, резкому спаду производства, хищнической растрате природных ресурсов, нелегитимному вывозу капиталов на Запад.

Углубляется дифференциация инновационного и традиционного секторов экономики. Если крупные корпорации и фирмы эффективно организуют производство и осваивают методы современного менеджмента, то средний и мелкий бизнес развивается крайне медленно. Значительная часть сделок осуществляется здесь на основе бартера; возрождаются доиндустриальные формы труда; квалифицированные кадры депрофессионализируются. Фундаментальная наука, многие области которой составляли национальную гордость, практически переведена на самофинансирование, исключающее возможность даже простого воспроизводства. Большинство остающихся в России ученых лишены доступа к современным исследовательским технологиям, новейшим приборам, дорогим материалам, а перспективная научная молодежь при первой возможности уезжает на Запад.

Подводя итог, можно сказать, что, хотя советская институциональная система необратимо разрушена, современные базовые институты России носят промежуточный характер и пока вряд ли много эффективнее советских. Формирование целостной системы либерально-демократических институтов, составляющих базу правового государства, находится на начальной стадии. К тому же за годы, когда правящие верхи занимались перераспределением государственной собственности, в стране успела сложиться *новая институциональная структура*, значительная часть которой носит теневой, неформальный, но достаточно жесткий характер. Ее плотно пригнанные друг к другу элементы образовали целостные социальные механизмы, поддерживаемые и охраняемые мощными социальными силами, в том числе олигархическим капиталом, коррумпированной бюрократией, региональными элитами, а также обретшими легальный статус криминальными авторитетами.

Осуществление нового цикла реформ наталкивается на упорное сопротивление как тех, кому предстоит внедрять новые нормы и правила в жизнь, так и тех, чьим условиям существования они угрожают. Устанавливаемые законами новые нормы часто не выполняются, обходятся или выполняются чисто формально. В результате увеличивается разрыв между формально-правовым оформлением новых базовых институтов и реальными правилами игры, регулирующими социальные практики в соответствующих сферах.

Сказанное не означает, что политические и экономические реформы, которые россиянам пришлось оплатить очень высокой социальной ценой, не принесли существенных результатов. На самом деле многие важные институты России заметно продвинулись в сторону либеральной демократии и стали значительно более эффективными. Но чтобы выйти на качественно новый уровень, требуется усовершенствовать не отдельные институты, а их систему как единое целое, обеспечить согласование и взаимную поддержку всех ее элементов. А это – задача на долгие годы, требующая значительных усилий общества.

(Окончание следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варшавский А.Е., Сироткин О.С. Научно-технический потенциал // Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М., 1999.

Заславская Т.И. Социетальное пространство трансформационного процесса // Россия, которую мы обретаем. Труды Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 2003.

Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6.

Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5.

- Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.* Теневое общество. М., 2000.
- Кордонский С.Г.* Постперестроечное экономическое пространство. Трансформации административного рынка // *Иное: Россия как предмет.* М., 1995.
- Кто и куда стремится вести Россию?.. Макро-, мезо- и микроакторы трансформационного процесса (статьи С. Барсуковой, Р. Капелюшников, Р. Нуреева, С. Пашина, М. Шабановой). М., 2001.
- Найшуль В.А.* Высшая и последняя стадия социализма // *Погружение в трясину.* М., 1991.
- Найшуль В.А.* Проблемы создания рынка в СССР // *Постижение.* М., 1989.
- Общественное мнение – 2002. По материалам исследований 1989–2002 гг. ВЦИОМ. М., 2002.
- Радаев В.* Деформализация правил игры и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // *Вопросы экономики.* 2001. № 6.
- Ракитский Б.В.* Общество, в котором мы жили в СССР. М., 1995.
- Селюнин В.С., Ханин Г.И.* Лукавые цифры. Новосибирск, 1985.
- Системные проблемы России. Путь в XXI век. М., 1999.
- Теневые отношения (статьи В. Радаева, Р. Рывкиной, С. Павленко) // *Pro et Contra.* 1999. Зима.
- Фонотов А.Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.
- Andorka R.* The Socialist System and its Collapse in Hungary: An Interpretation in Terms of Modernization Theory // *International Sociology.* 1993. Vol. 8. № 1.
- Machonin P.* Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997.